

УДК 165.12:167.5
DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-3-93-98

М. В. ГОНЧАРЕНКО

Национальный исследовательский
Томский политехнический университет,
г. Томск

ЗНАНИЕ О БУДУЩЕМ В КОНТЕКСТЕ РЕТРОСПЕКТИВНОГО АНАЛИЗА

В данной статье рассмотрены актуальные вопросы, связанные с проблемами формирования знания, в том числе и знания как предвидения (знания о будущем), которое невозможно, по-нашему мнению, без обращения к ретроспективному анализу. Сформулировано предположение о том, что процесс появления нового знания является неотъемлемой частью культурного состояния общества и обусловлен культурной памятью и культурными достижениями эпохи. Также в исследовании затрагиваются вопросы, связанные с инференциальной природой знания: сравниваются контексты противоположных подходов.

Ключевые слова: знание, схема, будущее, У. Эко, Ч. Пирс, инференция, ретроспекция.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31182.

Введение. Исследование проблемы формирования знания, в том числе знания о будущем, в контексте ретроспективного анализа представляется крайне актуальным в нескольких аспектах. Во-первых, знание как таковое, которое существует в виде гипотез, теорий, проектов, является не только показателем уровня развития различных социокультурных практик, но и необходимым условием возможности трансформации знания в дальнейшем: проблема знания о будущем — это во многом проблема анализа уже существовавших и существующих фактов и их интерпретаций сегодня. Во-вторых, дискуссия по данной проблематике может быть успешной только в случае привлечения рассмотрения проблемы инференциальности знания.

В ходе данного исследования были рассмотрены и проанализированы основные положения, сформулированные в работах И. Канта, Ч. Пирса, У. Эко, Р. Рорти, Л. Витгенштейна, К. Поппера, Ф. Вайсмана, Э. Тоффлера, С. Хокинга и др. В современной отечественной философии так или иначе данная

проблематика представлена в работах А. Нехаева, В. Суровцева, Н. Лукьяновой, И. Ардашкина и др.

Рабочая гипотеза исследования заключается в том, что трансформация знания — это бесконечный и никогда не прерывающийся процесс, без изучения и анализа которого формирование знания о будущем субъектом познания представляется маловероятным и безуспешным; ретроспективный анализ знания — один из важных факторов, обуславливающих появление нового знания.

Объектом исследования является знание как система взаимоотношений элементов различного уровня и трансцендентальная схема, определённым образом организующая эти элементы.

Цель данного исследования заключается в том, чтобы проследить процесс формирования нового знания, обуславливающего появление новых аспектов видения, что приводит к трансформации курса.

Для реализации заявленной цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, нужно обобщить взаимосвязь между различными уровнями

развития систем знания как между различными социокультурными практиками; во-вторых, нужно проанализировать значение инференциальности знания в контексте трансформации дискурса.

1. Как становится возможным высказывание «мир устроен так-то»? Констатация какого-либо факта — это не что иное, как признание какого-то положения дел, выраженное посредством того или иного языка¹. И ничего нового в этом тезисе нет, однако древний вопрос о соотношении мира и высказываний, каким-то образом имеющих к нему отношение, сохраняет в этом тезисе свою актуальность. Другими словами, «Говоря "мир устроен так-то", мы отнюдь не заявляем, будто познали мир или надеемся когда-то познать его. Но, несмотря на то, что нам не суждено никогда познать мир, он всё равно будет устроен так-то и насколько не иначе. Даже те, кто полагает, будто мир сегодня устроен так, а завтра эдак...согласятся, что капризность и непостоянство мира грамматически описываются с помощью фразы "мир устроен так-то"» [1, с. 137–138]. Таким образом, мир, будучи онтологической, а не семантической проблемой, нуждается в средствах экспликации², поэтому субъект познания использует в качестве инструмента экспликации грамматическую структуру языка.

Тем не менее, помимо грамматической структуры языка в конституировании мира принимает участие и восприятие как сложный акт, и интерпретация чувственных данных, обуславливающая понимание природы объекта с участием памяти и культуры [2, с. 445] и пр. Если вкратце, то данная проблема сводится к следующему: во-первых, как *нечто* в принципе становится объектом исследования с дальнейшим формированием понятийно-категориального инструментария, и, во-вторых, каким образом это *нечто* в качестве объекта конституирования индивидуальным сознанием становится всеобщим³. В контексте данной проблемы У. Эко, пытаясь, вслед за И. Кантом, проанализировать взаимоотношения между эмпирическими понятиями и суждениями восприятия, приходит к заключению о том, что суждение, содержащее понятие, никак не показывает, каким образом это становится возможным, как логическая схема (в виде априорного базиса возможного опыта) наполняется конкретным содержанием (в виде суждения восприятия). У. Эко соглашается с И. Кантом в том, что всё это имеет отношение к содержанию опыта, а не к его возможности: «Априорные основоположения возможности всякого опыта...не могут быть положениями..., подводящими всякое восприятие под чистые рассудочные понятия...» [2, с. 445]. Таким образом, проблема возможности появления объекта наблюдения / опыта / исследования и т. д. сохраняет свою актуальность, а при более детальном анализе с применением способа редукции (как пошагового перехода от одного элемента (более сложного) к другому элементу (более простому)) мы приходим всего лишь к тривиальной констатации опыта. В этом случае практически не остаётся контраргументов относительно дискредитации у Р. Рорти и его последователей «Мифа о данном» (*The Myth of the Given*), который является «...иллюзией того, что за миром дискурса располагается мир надёжных фактов и стабильных физических объектов, который в конечном счёте и гарантирует смысл любому нашему использованию языка» [4, с. 50].

Даже если речь идёт об известном объекте, как или каким образом мы его знаем, и чем, собствен-

но, является это знание, — один из вопросов, который сформулировал У. Эко, описывая взаимоотношения представления (*imaging*) и динамических свойств объекта / мира [2, с. 448]. Если камень — это известный нам объект, то почему мы считаем, что мы «знаем», какой этот камень внутри, что с его помощью можно сделать и т.д.? Такого рода наши «знания» относительно камня объективны, с точки зрения аргументации И. Канта, поскольку общезначимы (например, все знают о том, что у камня высокая или относительно высокая плотность и пр.), но вся эта объективность грамматическая. Однако если мы примем во внимание и то, что на наши представления объекта влияет также и социокультурная практика в самом широком смысле, обуславливающая аспект видения объекта, то утверждение о вариативности дискурсов на основании природы динамического объекта как «объекта вне знака» или объекта, который появился бы в результате бесконечного и полного исследования [5] здесь будет совершенно уместно. Следовательно, различные «знания» о камне, с одной стороны, демонстрируют энциклопедичность знания, а с другой — конституируют различные дискурсы.

К сожалению, всё это никак нас не приближает к пониманию принципов конструирования трансцендентальной схемы, которую У. Эко определяет как продукт воображения, появляющийся при участии элемента-посредника между материей (объектом) и понятием (знаком) [2, с. 449]. Может быть, именно невозможность понимания принципов формирования трансцендентальной схемы является причиной противопоставления науки и технологии для элемента-посредника: «Дети...полагают наушники природным отростком евстахиевых труб...» [1, с. 199]. Другими словами, потребность в чём-либо (в данном случае — в трансцендентальной схеме) не является достаточным основанием для понимания природы того, что для нас так необходимо.

Возвращаясь к проблеме возможности высказывания «мир устроен так-то» и принимая во внимание трансцендентальную природу когнитивных схем, можно с уверенностью утверждать, что схемы, организующие когнитивное пространство, делают это, используя определённые правила. Другими словами, если согласиться с параллелизмом кантовской схемы и витгенштейновской картины / образа⁴, отмеченным У. Эко, то нужно признать, что такого рода модели дискурсивны, то есть являются результатом конституирования по определённым правилам, но, наряду с этим, несвободны от влияния ретроспекции [7]. Представления, как модель, может соответствовать и не соответствовать картине, но оно может быть смоделировано по другим правилам и представлять другую языковую игру. Однако организация картины и представления детерминирована использованием набора правил.

Таким образом, пытаясь найти обоснования грамматическому высказыванию «мир устроен так-то», мы становимся членами конвенции, которые разделяют и принимают следующее утверждение Р. Рорти: «Мир заставляет нас (*causes us*) держаться тех или иных убеждений, и мы храним верность тем убеждениям, которые помогают нам добиваться желаемых целей» [8, с. 37]⁵.

2. Исходная точка знания как трансценденция. Если высказывание «мир устроен так-то» рассматривать как знание (знание о чём-то), а с учётом вышеизложенного — знание вариативно, то уместно допустить предположение о том, что начальный

этап или точка формирования знания — трансценденция⁶. Другими словами, принимая участие в создании и трансляции того или иного знания, мы не имеем чёткого представления об исходном пункте этого знания. Подобная ситуация описана Э. Тоффлером так: «...как увидеть, что скрывается за тенденциями и контртенденциями? Несмотря на ... математические модели и матрицы, используемые футурологами, наши попытки всмотреться в завтра — или хотя бы осознать сегодня, — остаются...больше искусством, чем наукой» [11, с. 222]. Это говорит о том, что мы никогда не знаем, в каком направлении мы следуем на самом деле: образно говоря, вперёд или назад, потому что не в состоянии определиться со своим собственным местопребыванием в такой системе координат.

Тем не менее признание исходной точки знания в качестве трансценденции допускает в этой системе отношений (в системе формирования знания) актуальность возможности. Пытаясь восстановить логику рассуждения Ч. Пирса относительно процесса умозаключения, У. Эко отмечает, что три феноменологические категории (Firstness, Secondness, Thirdness), обязательные для любого вида опыта, скорее всего, являются формальными структурами или чистыми формами, обуславливающими и составляющими опыт [2, с. 488], чем-то напоdobие априорных форм трансцендентальной эстетики И. Канта: времени и пространства. Однако самое интересное здесь в том, что, невзирая на утверждение Ч. Пирса о последовательности познания (от предыдущего познания к последующему), У. Эко приводит возражение К. Паолуччи относительно того, что ни с чем не связанное ощущение вне инференциального процесса не может быть признано или познано, так как его достоверность может быть признана только инференциально [2, с. 489]. О чём свидетельствует данное возражение, если не о том, что многоуровневый познавательный процесс, включая ощущения и пр., вне трансцендентальной схемы невозможен в принципе. Иными словами, трансцендентальная схема — это одновременно возможность процесса познания, структурирующая механизм, являющийся каким-то образом приемлемым / обоснованным для перехода от предыдущего к последующему знанию⁷. Таким образом, если предположить, что исходная точка знания — это то, что мы открываем, согласно К. Попперу, то это никак не отрицает того, что такого рода открытия становятся возможными для нас на определённом этапе развития. Известный пример У. Эко о кварке у Дж. Джойса является тому подтверждением [13, с. 148–149].

Также чрезвычайно важно в контексте дискуссии об инференциальной составляющей знания не игнорировать проблему выбора «Я», потому что сам выбор того или иного ряда элементов как объекта — это начальный элемент любой интерпретационной модели, без учёта которого анализ этой модели будет дефектным.

Как связаны инференция и методологические сдвиги субъекта познания и почему трансцендентальная схема, которую использует субъект познания, постоянно указывает ему на неизвестные качества и свойства мира? Если применить к миру как метафору термин У. Эко «открытое произведение», то можно допустить, что мир, как открытое произведение, обладая свойством прерывности, является той трансцендентальной схемой, логикой развития которой и пытается овладеть субъект [14, с. 209;

15, с. 12]. При этом важно не забывать такой фактор как ретроспекция, в соответствии с которым субъект познания, пользуясь в очередной раз трансцендентальной схемой для конституирования новых отношений, уже имеет определённые элементы этой схемы.

К сожалению, здесь мы упираемся в детерминизм⁸, потому что бессмысленно утверждать возможность «отсчёта с нуля», по крайней мере, когда мы сталкиваемся с историей вопроса: с эволюцией теоретико-познавательной практики субъекта познания [17, с. 112].

Возвращаясь к вопросу об инференциальной природе знания, обратимся к следующему: «Есть порог, за пределами которого мы воспринимаем или ощущаем «чёрный цвет» как Firstness, первичный иконизм..., который в свою очередь приводит нас ко всем последующим заключениям» [2, с. 502]. Наивно было бы полагать, что У. Эко, анализируя первичный иконизм Ч. Пирса с точки зрения инференциального процесса, выпустил из виду взаимоотношения между ним и объектом, подлежащим рассмотрению / конституированию. Однако и при этом он не смог избежать проблем, связанных с возможным взаимоотношением логического следования и теоретического образа, которое устанавливается в пределах той или иной трансцендентальной схемы, используемой субъектом познания в конкретном дискурсе.

Сложность объекта и его фрактализация (бесконечность которой не вызывает сомнений в современной физической картине мира) — это проблема, которая отсылает нас к проблеме прерывности / непрерывности мира. Тем не менее неполнота теоретического образа не является причиной невозможности логического следования. Объект имеет все шансы на успешное описание в контексте определённой трансцендентальной схемы. Будущее, как и прошлое, эксплицируется субъектом познания посредством тех или иных схем, невзирая на априорную неполноту теоретических образов, которые в них используются.

Исходя из ранее сказанного, невозможно не согласиться с тем, что мысль состоит из трёх элементов: репрезентации, соотношения с другими мыслями и материального качества [18, с. 73], однако сама возможность сочетания этих элементов остаётся за пределами данной схемы. Конечно, при определённой конвенции мы могли бы допустить, что Ground, как первичный иконизм, также является элементом данной схемы (по известной аналогии с парадоксом правильных и неправильных множеств), но тогда возникает вопрос относительно общего принципа, обладающего произвольной природой, в соответствии с которым вещь, соотносящаяся с таким-то ощущением, имеет ряд предикатов [18, с. 73].

Другими словами, произвольная природа общего принципа определяет возможность той или иной сущности, обеспечивая «материальное качество умственного знака» [18, с. 74], опираясь на ранее известные знания.

Следовательно, проблема инференциальности знания, являясь определяющей по отношению к анализу трансцендентальной схемы знания, остаётся за пределами этого анализа.

Заключение. В рамках статьи была предпринята попытка проанализировать процессы, влияющие на формирование нового знания (в том числе и на формирование знания о будущем) и обуслов-

ливающие трансформацию социокультурного дискурса. В этом отношении особой важностью и значением обладает ретроспективный анализ знания. Обращение к проблеме трансцендентальной схемы, формирующей знание, позволяет обосновать необходимость учёта инференциальной составляющей знания и её роль в создании новых социокультурных дискурсов.

Примечания

¹ Проблема факта и его интерпретации как отдельная проблема не является объектом исследования в данной работе.

² Конечно же, здесь подразумевается, что в экспликации мира, как объекта познания, заинтересован субъект познания.

³ В данном случае крайне важным представляется следующее рассуждение И. Канта: «...если мы имеем причины считать известное за необходимо всеобщее (что никогда не основывается на восприятии, а всегда на чистом рассудочном понятии, под которое восприятие подводится), то мы должны признавать его и объективным, т.е. выражающим не простое отношение восприятия к субъекту, а свойство предмета; ибо на каком основании должны бы были суждения других необходимо согласоваться с моим, если бы не было единства в предмете, к которому все они относятся, которому они должны соответствовать, а поэтому должны также согласоваться и между собою» [3, с. 56]. Если всеобщность воззрений определяется предметом, то чем обусловлено само появление предметов (как и их исчезновение, скорее всего) в нашем дискурсе?

⁴ В данном случае мы имеем в виду под картиной или образом то, что представлено Л. Витгенштейном в «Философских исследованиях»: картина как проекция или схема, которая, с одной стороны, предопределяет конкретный вид использования чего-либо, а с другой стороны, допускает вариативность использования, что, само по себе, может привести и к конфликту (может быть, это тоже конфликт интерпретаций?) [6].

⁵ В связи с приведёнными аргументами невозможно не обратиться к анализу проблемы верификации у Ф. Вайсмана [9], представленному В. А. Суровцевым и В. В. Оглезневым: «Неудовлетворенность методом верификации, применяемым в качестве критерия фактической истинности и научной осмысленности высказываний и выражающим требованием сводимости значения высказывания к способу его эмпирической проверки, приводит Вайсмана к выводу, что "неполнота верификации укоренена в неполноте определения привлекаемых понятий, а неполнота определения укоренена в неполноте эмпирического описания"» [10, с. 208]. Именно неполнота эмпирического описания ответственна за непрозрачность грамматической структуры высказывания «мир устроен так-то»: невозможность первого обуславливает постоянную обновляемость второго.

⁶ Известное обсуждение Л. Витгенштейна проблемы о том, что скрывает грамматика высказываний «Я знаю» / «Я думаю, что знаю...» в данном случае является чрезвычайно актуальной, потому что, во-первых, утверждает, что никакая дефиниция в подобного рода случаях делу не поможет, а во-вторых, указывает на «нелинейность» процесса формирования знания / понимания: «188. Тут я прежде всего сказал бы: тебе представилось, будто в самом акте осмысления задания уже были каким-то образом осуществлены все шаги: что твое сознание при этом осмыслении как бы унеслось вперед и проделало все переходы еще до того, как ты физически подошел к тому или другому из них. То есть ты был склонен воспользоваться вот таким высказыванием, как: «Переходы по сути уже были выполнены еще до того, как я их совершил письменно, устно или мысленно». И казалось, будто они каким-то совершенно особым образом как бы предопределены, предвосхищены, как способен предвосхищать действительность только акт осмысления (das Meinen).» [6]. Следовательно, утверждение

какого-то положения дел может быть основано на множестве оснований / причин, каждая из которых сводится к какому-то способу предвосхищения действительности, а вот что касается, собственно, этого предвосхищения, то здесь мы сталкиваемся с тем, что У. Эко, анализируя антикартезианскую позицию Ч. Пирса по поводу инференциального характера знания, называет невозможностью инференциальной природы исходной точки любого знания [2, с. 487].

⁷ Возможно, здесь имеет смысл обратиться к дискуссии К. Поппера по поводу одновременности реальности и автономности третьего мира: «Хотя числа созданы нами, они имеют некоторые свойства, которые нами созданы не были, но которые мы можем открыть. Это и есть то, что я называю «автономией» третьего мира. Её нужно отличать от того, что я называю его «реальностью» — реальностью, связанной с тем, что мы можем с этим миром взаимодействовать. Но третий мир и автономен, и реален». [12, с. 40–41]. По нашему мнению, эта дискуссия может пролить свет на проблему открытия (субъектом познания) уже существующего (объекта), то есть, используя термин Ч. Пирса «динамический объект», мы можем допустить, что познанное уже — это «следование» (открытие, по К. Попперу) в контексте динамического объекта.

⁸ В данной работе мы не можем отдельно остановиться на проблемах детерминизма, которые были обнаружены в связи с принципом неопределённости Гейзенберга: «Мы, безусловно, не можем в точности предсказать будущие события, раз не в состоянии достаточно точно измерить современное состояние Вселенной. При этом всё же можно представить себе существование набора законов, полностью определяющих развитие событий для некоего сверхъестественного существа, которое, в отличие от нас, способно наблюдать и определять современное Вселенной, не воздействуя на неё.» [16, с. 111].

Библиографический список

1. Эко У. Полный назад / пер. Е. Костюкович. М.: Астрель : Corpus, 2012. 608 с. ISBN 978-5-271-42089-4.
2. Эко У. От древа к лабиринту: исторические исследования знака и интерпретации / пер. О. А. Поповой-Пле. М.: Академический проект, 2016. 559 с. ISBN 978-5-8291-1716-0.
3. Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки / пер. В. Соловьева. М.: Академический проект, 2008. 174 с. ISBN 978-5-8291-0993-6.
4. Нехаев А. В. «Анти-Рорти»: дискурсивный сюрреализм и понятие факта // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2017. № 2. С. 49–56.
5. Peirce Charles S. The Collected Papers of Charles Sanders Peirce. In 6 vol. Vol. I, II. Elements of Logic. Cambridge: Harvard University Press, 1932. 962 p. ISBN 9780674138001.
6. Витгенштейн Л. Философские исследования // Библиотека научной и учебной литературы. URL: http://www.al24.ru/wp-content/uploads/2014/12/%D0%BB%D1%8E%D0%B4_1.pdf (дата обращения: 16.05.2019).
7. Гончаренко М. В. Ретроспективная обусловленность фактуального высказывания // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 2 (26). С. 19–23.
8. Рорти П. Историография философии: четыре жанра. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. 176 с. ISBN 978-5-88373-053-4.
9. Waismann F. The Principles of Linguistic Philosophy / Ed. R. Harré. London: Macmillan, 1965. 422 p.
10. Оглезнев В. В., Суровцев В. А. Фридрих Вайсман о многоуровневой структуре языка и проблемах редукционизма // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55 (4). С. 206–218. DOI: 10.5840/eps201855477.
11. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2002. 776 с. ISBN 5-17-011040-5.

12. Поппер К. Знание и психофизическая проблема: В защиту взаимодействия. М.: ЛКИ, 2008. 256 с. ISBN 978-5-382-00541-6.

13. Эко У. Роль читателя: исследования по семиотике текста / пер. с англ. и итал. С. Серебряного. СПб.: Symposium, 2005. 502 с. ISBN 978-5-89091-336-4.

14. Эко У. Открытое произведение / пер. с итал. А. Шурбелева. СПб.: Symposium, 2006. 412 с.

15. Ардашкин И. Б. К вопросу о визуализации знания и информации: роль смарт-технологий // ПРАΞИМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 4 (18). С. 12–48. DOI: 10.23951/2312-7899-2018-4-12-48.

16. Хокинг С., Млодинов Л. Кратчайшая история времени / пер. А. Дамбиса. М.: АСТ, 2018. 176 с. ISBN 978-5-17-102280-8.

17. Лукьянова Н. А., Шипунова О. Д., Фелл Е. В., Налетова А. И. От репрезентации к интерпретации: идеи настоящего в образах будущего: моногр. СПб.: Изд-во политехн. ун-та, 2017. 135 с. ISBN 978-5-7422-5910-7.

18. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения / пер. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. М.: Логос, 2000. 448 с. ISBN 5-8163-0014-8.

UDC 165.12, 167.5

DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-3-93-98

ГОНЧАРЕНКО Марк Васильевич, доктор философских наук, доцент (Россия), доцент отделения социально-гуманитарных наук школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета.
SPIN-код: 2784-5008
AuthorID (РИНЦ): 707442
ResearcherID: T-8060-2017
Адрес для переписки: markgon73@gmail.com

Для цитирования

Гончаренко М. В. Знание о будущем в контексте ретроспективного анализа // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 3. С. 93–98. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-3-93-98.

Статья поступила в редакцию 14.06.2019 г.

© М. В. Гончаренко

M. V. GONCHARENKO

National Research Tomsk
Polytechnic University,
Tomsk, Russia

KNOWLEDGE OF FUTURE IN CONTEXT OF RETROSPECTIVE ANALYSIS

The article touches upon topical issues related to the problems of knowledge formation, including knowledge as foresight (knowledge about the future), which, according to the authors is impossible without the implementation of retrospective analysis. The author formulates the assumption that the process of the emergence of new knowledge is an integral part of the cultural state of society and is conditioned by the cultural memory and cultural achievements of particular epoch. In addition the research addresses the issues related to the inferential nature of knowledge: the contexts of opposing approaches are compared. The transformation of knowledge is an endless and non-interrupted process. The formation of knowledge about the future by a particular subject of knowledge seems doubtful and unsuccessful without the study and analysis of this process. In addition, the appeal to the problem of the transcendental pattern, forming knowledge, makes it possible to consider the inferential component of knowledge and its role in the creation of new sociocultural discourses.

Keywords: knowledge, scheme, future, U. Eco, C. Peirce, inference, retrospection.

The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 19-011-31182.

References

1. Eko U. Polnyy nazad [Full back] / Trans. E. Kostyukovich. Moscow: Astrel': Corpus Publ., 2012. 608 p. ISBN 978-5-271-42089-4. (In Russ.).

2. Eko U. Ot dreva k labirintu: istoricheskiye issledovaniya znaka i interpretatsii. [From the Tree to the Labyrinth: Historical Researches of the Sign and Interpretation] / Trans. O. A. Popovale. Moscow, 2016. 559 p. ISBN 978-5-8291-1716-0. (In Russ.).

3. Kant I. Prolegomeny ko vsyakoy budushchey metafizike, mogushchey vzniknut' v smysle nauki [Prolegomena to Any Future Metaphysics That Will Be Able to Present Itself as a Science] / Trans. V. Solov'yev. Moscow, 2008. 174 p. ISBN 978-5-8291-0993-6. (In Russ.).

4. Nekhaev A. V. «Anti-Rorti»: diskursivnyy syurrealizm i ponyatiye fakta [«Anti-rorty»: The discursive surrealism and the notion of fact] // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. Омск Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2017. No. 2. P. 49–56. (In Russ.).

5. Peirce Charles S. The Collected Papers of Charles Sanders Peirce. In 6 vol. Vol. I, II. Elements of Logic. Cambridge: Harvard University Press, 1932. 962 p. ISBN 9780674138001. (In Engl.).

6. Vitgenshteyn L. Filosofskiy issledovaniya [Philosophical Investigations]. URL: http://www.al24.ru/wp-content/uploads/2014/12/%D0%BB%D1%8E%D0%B4_1.pdf (accessed: 16.05.2019). (In Russ.).

7. Goncharenko M. V. Retrospektivnaya obuslovlennost' faktual'nogo vyskazyvaniya [Retrospective conditionality of the

novelty of factual statement] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. *Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2014. No. 2 (26). P. 19–23. (In Russ.).

8. Rorti R. *Istoriografiya filosofii: chetyre zhanra* [The Historiography of Philosophy: Four Genres]. Moscow, 2017. 176 p. ISBN 978-5-88373-053-4. (In Russ.).

9. Waismann F. *The Principles of Linguistic Philosophy* / Ed. R. Harré. London: Macmillan, 1965. 422 p. (In Engl.).

10. Ogleznev V. V., Surovtsev V. A. Fridrikh Vaysman o mnogourovnevoy strukture yazyka i problemakh reduksionizma [Friedrich Waismann on the many-level-structure of language and problems of reductionism] // *Epistemologiya i filosofiya nauki. Epistemology & Philosophy of Science*. 2018. Vol. 55 (4). P. 206–218. DOI: 10.5840/eps201855477. (In Russ.).

11. Toffler E. *Tret'ya volna* [The Third wave]. Moscow: AST Publ., 2002. 776 p. ISBN 5-17-011040-5. (In Russ.).

12. Popper K. *Znaniye i psikhofizicheskaya problema: V zashchitu vzaimodeystviya* [Knowledge and the Body-Mind problem. In defense of interaction]. Moscow: LKI Publ., 2008. 256 p. ISBN 978-5-382-00541-6. (In Russ.).

13. Eko U. *Rol' chitatelya: issledovaniya po semiotike teksta* [The Role of the Reader: Explorations in the Semiotics of Texts] / Trans. S. Serebryanny. St. Petersburg: Symposium Publ., 2005. 502 p. ISBN 978-5-89091-336-4. (In Russ.).

14. Eko U. *Otkrytoye proizvedeniye* [The Open Work] / Trans. A. Shurbelev. St. Petersburg: Symposium Publ., 2006. 412 p. (In Russ.).

15. Ardashkin I. B. *K voprosu o vizualizatsii znaniya i informatsii: rol' smart-tekhnologiy* [On visualization of knowledge and information: the role of smart technologies] // *ИПАЭНМА. Problemy vizual'noy semiotiki. ИПАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*. 2018. No. 4 (18). P. 12–48. (In Russ.).

16. Khoking S., Mlodinov L. *Kratchayshaya istoriya vremeni* [A Briefer History of Time] / Trans. A. Dambis. Moscow: AST Publ., 2018. 176 p. ISBN 978-5-17-102280-8. (In Russ.).

17. Luk'yanova N. A., Shipunova O. D., Fell E. V., Naletova A. I. *Ot reprezentatsii k interpretatsii: idei nastoyashchego v obrazakh budushchego* [Images of the future in the ideas of the present: from representation to interpretation]. St. Petersburg: SPbPU Publ., 2017. 135 p. ISBN 978-5-7422-5910-7. (In Russ.).

18. Pirs Ch. S. *Izbrannyye filosofskiye proizvedeniya* [Selected Philosophical Works] / Trans.: K. Golubovich, K. Chukhruidze, T. Dmitriyev. Moscow: Logos Publ., 2000. 448 p. ISBN 5-8163-0014-8. (In Russ.).

GONCHARENKO Mark Vasilyevich, Doctor of Philosophy Sciences, Associate Professor of Division for Social Sciences and Humanities School of Core Engineering Education Tomsk Polytechnic University.
SPIN-code: 2784-5008
AuthorID (RSCI): 707442
ResearcherID: T-8060-2017
Address for correspondence: markgon73@gmail.com

For citation

Goncharenko M. V. Knowledge of future in context of retrospective analysis // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2019. Vol. 4, no. 3. P. 93–98. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-3-93-98.

Received 14 June 2019.

© **M. V. Goncharenko**